

ОСТАТЬСЯ
ТАКИМ ЖЕ

ДЕНИС МАРТ

Денис Март

Остаться таким же

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Март Д.

Остаться таким же / Д. Март — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Дуглас Хаус, парень, в котором все еще живет надежда, покупает снова лотерейный билет. Вот уже несколько лет он пытается выиграть, но удача поворачивается к нему далеко не лицом. Случится ли чудо в этот раз? Все знакомые твердят ему, что это глупо, что ему не видать победы, но Дуг верит в силу случайности. Ему нужны эти деньги, чтобы изменить жизнь. Содержит нецензурную брань.

Денис Март
Остаться таким же
Часть 1

Я уже давно перестал надеяться всерьез. Какой в этом смысл? Столько лет прошло, а удача поворачивается ко мне далеко не лицом. Я не хочу жаловаться, но все надоело. Сам не знаю, почему я это до сих пор делаю. Похоже, это уже часть меня. Ничего плохого я в этом не вижу, это отличная возможность подбодрить самого себя, это позволяет мне на минуту мысленно покинуть этот мир, сотканный из проблем. Когда я говорю об этом с другими людьми, я вижу, как на их лицах появляется недоверчивое выражение, некая улыбочка, в которой я с легкостью всегда читаю одно и то же: «Ну и дурачок же он!». Если бы им хватило смелости и наглости, то они непременно сказали бы мне:

– Ну, да, конечно. Рассказывай дальше, парень!

Я вижу это, понимаю, но мне и не нужно, чтобы они верили. Слушают – и это уже замечательно. Вы можете подумать, что я скучен, но это не так. Я бываю разным: кислым, приторным, сладким, ярко-зеленым и темно-фиолетовым, с разными завитушками, бесцветным и так далее. Список довольно длинный. Правда, бывают и дни, когда я до смерти скучен. Но это ведь не страшно, да? У всех бывают сложные времена. Единственное, каким я быть не умею, так это лживым. Мне сотни раз говорили, что в этом мире надо быть более изворотливым, иначе ничего не добьешься. Что ж, пусть так. Каков уж есть, таким и принимайте. Если не нравится, я знаю, где дверь.

Итак, самое время представиться. Нет, сейчас не самое время. Я должен был сделать это несколько минут назад, простите мне эту крохотную ошибку, я плохо воспитан и давно об этом знаю, но ничего с этим поделать не могу, потому что ничего и не делаю.

Дуглас Хаус. Это мое имя. Я не стану выкладывать ничего не говорящие обо мне факты перед вами, словно крупье в казино. Вы сами узнаете обо мне все, что вам необходимо, вам расскажут события из моей жизни, о которых я поведаю через минуту.

Есть маленький шанс – я люблю шансы – что мы встретимся. Однажды, я уверен в этом, я приду к вам, постою с минуту в стороне и все это время буду смотреть, как вы грызете ногти или пьете клюквенный кисель. Затем я подойду к вам, протяну руку, вы ее непременно пожмете, потому что я выгляжу довольно доброжелательно, мы поговорим о литературе или о бейсболе, о шторме в Неваде или новых покрышках для вашего чудного «Фольксвагена». В общем, мы поладим. Возможно, наша встреча будет для вас неожиданностью, вы не будете знать, как отреагировать на мое появление, но, поверьте, не стоит пугаться. Я не причиню вам вреда, я только помогаю людям. Иногда это больно. Мне больно.

Тот день, с которого я хотел бы начать этот рассказ, начался как-то по-особенному. Помню, небо тогда было зеленым. Нет, я серьезно, оно и правда отливало зеленоватым оттенком, тут и там прыгали овечки, укутанные в свои белые шубки. Стою я на улице и гляжу прямо на солнце, а оно светит и, кажется, светит именно на меня. С чего я это решил? Все просто, очень просто. Кроме меня, никто на солнце не смотрел. Всем было до чертиков душно, они шли, торопясь, в любое прохладное место, лишь бы только не попадать под лучи этого чудачьего желтого диска. А мне нравится. Я, наверно, минут десять стоял на тротуаре и пялился на солнце. Оно совсем меня не слепило, даже не знаю, как так вышло. Это я уже после понял, что мне тоже было жарко, и даже очень. Вся моя рубашка походила на мокрую половую тряпку, когда я снял ее дома. Вспотел, значит. Наверное, от меня сильно воняло, когда я шел в таком виде по улице, но я этого не замечал, потому что запахи улиц все перебивали, да и, как и все люди, я не смог бы учуять свой собственный запах. Я точно помню, что тогда пахло спелыми яблоками, которых в моем городе отродясь не было, разогретым асфальтом, который цеплялся

за мои подошвы, будто боялся потерять последнего друга, одуванчиками тоже пахло, хоть я их и не люблю. Словом, мой пот никак не мог испортить общую картину ароматов.

Знаете, чем больше всего мне нравится мой город? Тишиной, что царит тут в ночи. Я редко сплю, поэтому знаю о ночной тишине кое-что. Она похожа на мармелад или на желе. Чем ближе к середине ночи, тем тишина становится гуще. Ты ее трогаешь, а она едва шевельнется и потом снова вернется на место. Она вкусная. Я бы сказал, что тишина сделана из яблочного пирога, который мне пекла мама в детстве.

Ох, как же давно я не ел яблочного пирога. Жаль, правда, что эта тишина каждый раз уходит с первыми лучами света. И я всегда ее провожаю, смотрю, как она убегает от звука мотора, что разрубил ее на части. Бывает, она опаздывает, но непременно приходит. В тишине жить хорошо, сразу, как только она появляется, на душе становится спокойно. В тишине я слышу, как люди живут. Они дышат, они думают, они чувствуют.

Забавно, но у каждого жизнь разная. Человечество ошивается тут, на Земле, уже тысячи тысяч лет, а до сих пор ни одна жизнь не была даже похожей на другую. И все люди – разные. Они и пахнут по-своему, и звучат тоже по-своему. Может, поэтому мне и интересно смотреть на людей, слушать их и впитывать их жизни в себя. Люди. Интересные создания, но иногда глупые, иногда они не ценят жизнь, не замечают, как она обволакивает их, отталкивают ее, а потом, когда опомнятся, бывает уже поздно.

Я люблю всех людей, но, к сожалению, не всем могу помочь, хоть и стараюсь. Это правда, я очень стараюсь, но я иногда устаю, ведь я всего лишь человек. Мне тоже нужен отдых. Как-то раз я попробовал не отдыхать, но ничего хорошего из этого не вышло.

Четверо суток подряд я не спал и постоянно работал. Я носил продукты, смешивал и выпекал. По все законам подлости погода никак не помогала мне, а, наоборот, только мешала. Жуткая жара в один день сменялась острым холодом на следующий, мое тело изнывало от жажды и голода, но я держался до последнего. К сожалению, в итоге я проснулся уже в больнице, увидев рядом капельницу и медсестру.

С тех пор я устраиваю себе деньки отдыха, редкие деньки.

Об одном таком деньке я и расскажу сейчас. Рано утром я уже жарил себе вкуснейшую яичницу, которую можно только представить. Увидел ее как-то в одной телевизионной программе, там ее готовил смешной мальчишка в костюме сказочного героя. Рецепт – проще некуда. Берешь ломоть хлеба и вырезаешь мякоть, оставляя только корочку, кладешь эту корочку на сковородку и поджариваешь одну сторону, потом переворачиваешь, вливаешь в центр яйцо, чтоб было внутри кольца из хлебной корочки, а сверху кладешь сыр. Потом, когда все готово, получается весьма интересная картина. Мягкое яйцо, тягучий сыр и хрустящий хлеб... словом, вкусно. Хотя ресторанные критики называют это блюдо, цитирую, "редкостным дерьмом", оно мне все равно нравится. Я обычно поджариваю себе таких три корочки хлеба, этого как раз хватает, чтобы наестся.

Позавтракав своей яичницей в хлебе, я отправился в банк за новым шансом. Уже вечером какой-нибудь счастливец использует его. Как знать, может, в этот раз им буду я. Ученые говорят, что шансы стать таким вот счастличиком настолько малы, что если вы оставите зонт в автобусе, а потом позвоните на первый пришедший в голову номер телефона, то вероятность того, что трубку поднимет человек, нашедший ваш зонт, выше. Притом в несколько раз. Что ж, меня это вряд ли остановит. Я занимаюсь этим уже не первый год, так что какие-то там ученые для меня – пустословы.

Итак, я наконец-то пришел. Массивные колонны стояли в два ряда, разделяя помещение на ровные квадраты. Идеально ровные квадраты, мои юные перфекционисты. Вам бы тут понравилось. Пол, сделанный из бежевого мрамора, блестел так, будто его натерли до этого неделю без остановок. Ходить по нему было даже страшновато, я все боялся упасть. Никогда не умел скользить по льду, даже на коньках.

Очередь к моему окошку впечатляла. Нет, правда, откуда берутся все эти люди? Или они специально ждут того дня, когда можно будет встать передо мной? Все эти миллионы людей, и даже та бабка в середине, что простоит у окошка с час. Она, наверно, в первую очередь ждет этого дня.

Делать нечего, надо стоять. Как сказал бы тут один известный художник: "Надо страдать и не жаловаться!" Точно не помню его слова, но смысл такой. Стою, не жалею, а очередь медленно продвигается. Прошел час, как я помню, очередь сократилась вдвое, еще через час меня от окошка отделял всего один человек.

Угадали, именно этот человек простоял там дольше всех. Я не знаю, откуда он взял столько бумажек, но мне пришлось ждать. Я слышал, как сзади тяжело вздыхает мужчина. Тем временем дедуля оплачивал счет за газовое снабжение, за воду, уточнял, оплачивается ли холодная вода отдельно от горячей, а потом спорил, что надо оплачивать их отдельно, потому что на подогрев горячей требуется энергия, а он, видите ли, пользуется только холодной. Потом он оплачивал телефон, мобильный, затем домашний, затем снова мобильный, но уже не свой, а, кажется, своей жены. Нет, вы не подумайте, я люблю стариков, у них есть, чему поучиться, но в таких ситуациях они уже не кажутся мне милыми одуванчиками. Спустя вечность все-таки подошла моя очередь.

– Добрый день! – сказал я женщине по ту сторону окошка. Она не очень дружелюбно кивнула мне. – Будьте добры, дайте билетик "ШансЛото"!

Она вынула из ящичка своего стола кипу билетов, протянула их в окошко, предложив мне выбрать. Я долго не мог решиться. Они все выглядели заманчиво, но я мог взять лишь один из них, иначе не хватило бы денег на остальное. Итак, я выбрал четвертый справа. Его идентификационный номер заканчивался на "001408". Мне показалось, что это знак, пусть с виду он и не очень добрый.

– Вот этот, пожалуйста!

Женщина убрала всю кипу, вынула тот самый билет и немедленно нажала несколько клавиш. Видимо, она пробила покупку.

– Что-нибудь еще?

Я тут же достал бумажку, где все записал, положил ее в лоток под окошком, туда же я положил пачку денег. Там было все то, что я накопил за последний месяц.

– Положите эти деньги на этот счет, пожалуйста.

Женщина взяла все из лотка, стала вписывать данные с бумажки в компьютер, пересчитала деньги и спросила:

– Все перечислять?

– Да, – ответил я, чувствуя, как на моем лице появляется улыбка.

Каждый раз, когда я делаю это, счастье внутри меня не становится меньше. Оно лишь растет. Наверно, это единственная вещь на планете, от которой со временем получаешь больше и больше удовольствия. И вот сейчас женщина, увидев мою улыбку, невольно улыбнулась мне в ответ. Хотя я почти уверен, что в мыслях у нее мелькнуло: "Что это с ним? Может, больной?"

– Тут просят указать имя и фамилию, – сказала она.

– Нет, не надо. Оставьте эти графы пустыми.

– Значит, анонимно?

– Анонимно, – я все еще улыбался.

Итак, я сделал это снова, у меня в кармане лежал очередной шанс, которым я намерен воспользоваться в этот раз. Я оглянулся, подмигнул зданию банка, в котором только что был, и пошел прочь. Уже тогда, утром, этот день был не таким уж и плохим, но потом он стал в тысячу раз лучше.

В воздухе витали ароматы удачи, словно сама Фортуна прошла тут, по улицам города, разбрызгивая по углам свои духи.

До вечера оставалось еще много времени, а это значит, что я мог успеть кое-что сделать. Ближе к обеду я прибыл на место, там уже стояло человек двадцать. Все они столпились вокруг маленького фургона, у которого задняя дверь кузова была поднята. Под этой "крышей" стояли мои давние знакомые Джон Уэсли и Кейт О'Тара. Как всегда, на голове у Кейт красовалась косичка, которую она сама и соорудила.

Когда я подходил, она протягивала теплую миску с супом и куском хлеба очередному мужчине. Ах, вспомнил! Это же был Олег Таркович, бывший русский профессор литературы, если, конечно, профессора бывают бывшими. Я много с ним беседовал, он рассказывал интересные вещи, особенно мне было любопытно слушать, как он попал к нам в Америку. Я не буду пересказывать эту историю. Самое важное, что его знания не пригодились больше никому в его родной стране, тогда он перебрался сюда, потратив последние деньги на билеты. К несчастью, тут его никто не ждал, и он остался совсем один на улице.

– Дуглас! Добр-р-рый день! – как всегда встретил меня старый добрый Винсенто Бенольди. Старый итальянец, которого тоже выбросила на улицу родная страна.

– Чао! Как дела, дружище? – спросил я, подходя к столу и протягивая руку Джону.

– Все в порядке, амиго, все в полном порядке, если не считать, что я бездомный, – итальянец усмехнулся.

– Зато вы свободны, амиго мио, – подбодрил его Джон.

– Как тут у вас? – спросил я, надевая фартук.

– Ты вовремя подоспел, как раз к пику.

– Вот и отлично, – ответил я Джону.

– Кейт! Как твоя малышка?

– Уже неплохо, Дуглас. Сегодня утром она не кашляла, идет на поправку, хотя врач сказал, что нужно продлить курс антибиотиков, – Кейт мешала суп в огромной кастрюле.

– Ничего, она скоро выздоровеет, вот увидишь. Я в детстве тоже переболел этой заразой. Ох, помню, как же я мучился, весь был в проклятых волдырях, температура поднялась, помню, жуткая, но зато теперь я в безопасности.

– Дай Бог, чтобы все вышло хорошо, – ответила Кейт.

– Так и будет, Кейт, – сказал ей Джон, нарезая хлеб. – Дуг, будь добр, притащи соль, она в конце фургона.

И я притащил. И весь день до самого вечера я носил соль, нарезал овощи, мешал суп в огромной кастрюле, подавал миски бездомным, беседовал с ними.

Я не могу назвать это своей работой, потому что люди обычно под словом "работа" понимают что-то трудное и неприятное, а я, как говорит молодежь, ловил кайф от процесса. Все эти люди, которых мы кормим, для прочих – вонючие бомжи. А для нас это просто несчастные, невезучие, те, кого жизнь выбросила за борт.

Вы только не подумайте, что я такого высокого мнения о себе. Мол, вот я какой милостивый, ангел во плоти. Вовсе нет, я такой же человек, которому когда-то точно так же были неприятны бездомные. От них и правда жутко воняет, этого не скроешь, но за этой вонью почти всегда скрывается душа, полная всего самого светлого, раненная зачастую ужасными случайностями этой беспощадной жизни. Они помогают мне стать лучше.

А началось все довольно давно, когда я был юным сопляком и ничего не смыслил в жизни. Помню, я тогда любил болтать всякую чушь про милосердие и доброту, а сам шел вечером в клуб, танцевал там до утра, развлекался с прекрасными дамами и даже частенько выпивал. Когда я выходил из клуба в компании какой-нибудь глупой до безобразия девушки, а иногда и не одной, я видел на углу бездомного и мог ему крикнуть: «Эй, как жизнь? Удалась? Ха-ха!» Боже, каким же имбецилом я был. Впрочем, лет через десять я могу подумать то же самое про себя нынешнего, верно?

В другие же дни, когда я не ходил в клубы, я с удовольствием читал книги, особенно мне нравились произведения классиков, особенно русских, и мировых философов. Я впитывал их поучения, а потом сам раздавал их направо и налево. Я с легкостью щеголял цитатами Льва Николаевича о том, что надо добрее быть, людей уважать и все прочее в этом духе. Сами понимаете, в глазах людей я вырастал невероятно, а в своих собственных и подавно. Но все эти фразы – чушь собачья, это я только сейчас понимаю. Почему чушь? Да все просто. Днем я читал эти красивые слова, вечером я бросался ими, а ночью тусил, притом весьма небезобидно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.